

ВАЛЕРИЙ ЧЕРКАШИН
ПУШКИНУ

Как над безмолвьем
Крик «ура!»
над колосящимся раздольем
Кавказ,
а на его ладони
в извивах плавится Кура.
То облетит с седин туман
и вспыхнет под бровями радость,
то высота сойдет с ума
и захохочет камнепадом,
срывая тонкий серпантин
с мольбой проложенных дорожек.
И все стремительней
И строже
твердят сомненья:

— Не взойти!

Но, презирая черствый разум,
влюблен,
обманут
и ревнив,—

опять стою
у ног Кавказа,
глаза к стремнинам
накренив.

Уже гудят за мной ущелья,
в руках альпийские луга.
Уже над гранью возмущенья
нависли вещие снега.

Я слышу, как растёт крыло
за раскаленными плечами.

А где-то справа одичало
несутся окрики орлов.

Уроненные мною тени
кружат над горной стороной.

Но снова выше надо мной -
Кавказ —

кудрявый, юный гений,
мой высший бог...

Я вновь твой пленник и
вновь наместник твой
земной.

Оставляя за кормой, как в
прошлом,

чьи-то судьбы,
лица,
имена,

С Млечный Путь

тоску мою вела

призрачная лунная дорожка.

Человеку нужен звездный час,—

как хребтам нужна одна вершина,
чтобы оставаться гордым жизнью,
высшей чистотой заручась.

К берегу причалила тоска,
на песок скатились капли с весел,
и затрепетали крылья весен
над бесследной вечностью

песка.

И постигнув

счастье чистоты,

веруя в апрель,

как в обновленье,

я себя вернул в земное тленье,

где пытались

звезды не остыть...

* * *

Было так:

июлем зрели звезды,
влажно и прохладно, как цветы.

Налегала боль моя на весла,
не касаясь утренней воды.